

Т. Ф. Фильчук

Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина, м. Харків

Категория интертекстуальности в ее лингвофилософской природе и дискурсивных проявлениях

Фильчук Т. Ф. Категория интертекстуальности в її лингвофілософській природі й дискурсивних виявах. У статті розглядається категорія інтертекстуальності, що є основним принципом сучасної мисленнєвої системи. Проблема цитації, інтертексту, «чужого» слова в «своєму» є однією з найбільш розроблюваних тем, тому що інтертекстуальність передає специфічне постмодерністське сприйняття світу. Сучасна художня література, публіцистика, засоби масової інформації, реклама – усе це будується на компіляції різних текстів. У постмодерністській парадигмі інтертекстуальність існує як форма «вибуху» лінійності тексту, як механізм нового прочитання в тексті змістів, структурованих до нього. З'єднання в тексті «свого» і «чужого» дає поштовх для смислопородження, що ґрунтується на фонових знаннях, образних асоціаціях, історичних і особистих спогадах в автора й читача тексту.

Ключові слова: *постмодернізм, інтертекстуальність, текстова і мовна мозаїчність, цитатний лист, інтерстильове тонування, прецедентні тексти.*

Фильчук Т. Ф. Категория интертекстуальности в ее лингвофилософской природе и дискурсивных проявлениях. В статье рассматривается категория интертекстуальности, которая является основным принципом современной мыслительной системы. Проблема цитации, интертекста, «чужого» слова в «своем» является одной из самых разрабатываемых тем, потому что интертекстуальность передает специфическое постмодернистское восприятие мира. Современная художественная литература, публицистика, средства массовой информации, реклама – все это строится на компиляции разных текстов. В постмодернистской парадигме интертекстуальность существует как форма «взрыва» линейности текста, как механизм нового прочтения в тексте смыслов, структурированных до него. Соединение в тексте «своего» и «чужого» дает толчок для смислопорождения, которое основывается на фоновых знаниях, образных ассоциациях, исторических и личных воспоминаниях у автора и читателя текста.

Ключевые слова: *постмодернизм, интертекстуальность, текстовая и языковая мозаичность, цитатное письмо, интерстильовое тонирование, прецедентные тексты.*

Filchuk T. F. The category of intertextuality in its linguistic-philosophical nature and discursive displays. In article the category of intertextuality which is main principle of modern mental system is considered. A problem of citation, intertex, a "foreign" word in "its" is one of the most developed themes because intertextuality transfers specific postmodernist perception of the world. Modern fiction, publicism, mass media, advertizing – all this is constructing on the compilation of different texts. In the postmodernist paradigm intertextuality exists as the "explosion" form of the text linearity, as the mechanism of new reading in the contents structured to the text. Connection in the text of the "foreign" and "its" gives a shove for senseproducing which is based on background knowledge, figurative associations, historical and personal memoirs of the author and the reader of the text.

Keywords: *postmodernism, intertextuality, text and linguistic mosaicism, the quotation letter, interstyle toning, precedent texts.*

«– Это цитата? – спросил я его.

– Разумеется. Кроме цитат нам ничего не осталось. Наш язык – система цитат»

Хорхе Луис Борхес

Исследование категории интертекстуальности лежит в русле современной филологической проблематики.

Актуальность статьи обусловлена ситуацией смены научных, эпистемологических парадигм, лингвофилософскими поисками в сфере текста и дискурса, потребностью в осмыслении глубинных основ современной мыслительной системы. Это предопределяет интерес к проблеме интертекстуальности – ключевому понятию постмодернизма. Интертекстуальность является одним из основных принципов современной мыслительной системы, для которой характерен взгляд на текст как саморазвивающийся феномен, в котором реализуется принципиальная множественность смыслов текста. Именно категория интертекстуальности участвует в «снятии» такой установки традиционной науки как единомыслие, как существование одной истинной интерпретационной модели произведения.

Объектом исследования являются газетные заголовки, созданные с помощью категории интертекстуальности.

Предмет исследования – интертекстуальность в ее дискурсивно и текстообразующей функции.

Язык в той или иной временной модификации приобретает культурно-идеологическую, эстетическую специфику. Иногда такую жесткую, что она определяет поэтику времени – в данном случае времени эпохи постмодернизма. Постмодернистская культурная парадигма проявляется во всем: в философии, науке, искусстве, культуре, литературе, во всех областях человеческого существования.

Как явление философии, идеологии и культуры в принципах своей поэтики постмодернизм смыкается с основными лингвофилософскими принципами – ассоциативностью, символизмом слова, текста. И это, очевидно, можно рассматривать как имманентную природу эстетической нормы, определяющей существование языка во времени.

На уровне ассоциативности, ассоциативных связей, подтекста прежняя лингвистическая парадигма, занимающаяся лингвистикой текста, смыкается с новой концепцией, присущей постмодернизму как всеобъемлющей современной философско-теоретической и литературной идеи, – с концепцией интертекстуальности.

Особенностью исследований по проблемам интертекстуальности является обращенность этого понятия в конкретный языковой материал. Исследования носят эмпирический характер и отражают разные источники (художественную литературу, публицистику, научные тексты). Этот аспект исследования словесно-образных связей был плодотворным и модным в 70-е годы XX века, сегодня же он предстает в терминологически модифицированном виде как интертекстуальность, «чужое» слово, цитата, т.е. он включается в новую, более широкую парадигму филологических исследований текста, которые опираются на идею М. М. Бахтина «чужого» слова, на его идеи об амбивалентности слова, о невозможности его изучения «в изъятom из диалогического общения тексте» [2:234], о полифонизме художественного произведения. (Таких работ очень много, например, в статье Е. А. Козицкой «Цитата, «чужое» слово, интертекст: материалы к библиографии» представлен перечень трудов по проблеме цитации и интертекстуальности, который состоит из 750 источников [10]).

Эти исследования отражают реальную ситуацию словесного творчества. И современная художественная литература, и современная газета, и современные средства массовой информации, и реклама – все это строится на компиляции разных текстов. Проблема цитации, интертекста, «чужого» слова в «своем» является в настоящее время одной из самых разрабатываемых, потому что интертекстуальность передает специфическое современное мировосприятие, которому свойственно семиотическое понимание реальности, в котором различные ситуации действительности, факты истории, предметы, лица предстают не как целостное, законченное, не как единая система, а обособленно, фрагментарно.

До 60-х годов XX века проблема цитирования затрагивалась исследователями лишь косвенно (например, работы представителей русской формальной школы, В. В. Виноградова), а слова «цитата», «аллюзия», «реминисценция» употреблялись для того, чтобы доказать наличие художественных связей между теми или иными произведениями.

Эволюционный процесс анализируемой проблемы отражает характер филологического знания, которому присуще движение от эмпирически описательных исследований к исследованиям с напряженным метаязыком, понятийно-категориальным аппаратом, философским потенциалом. Новый этап осмысления проблемы связан с именами Ю. Кристевой и Р. Барта, которые в 60-е годы под влиянием работ М. М. Бахтина ввели и определили такое понятие, как интертекстуальность, являющееся центральным в поэтике постмодернизма. Категория интертекстуальности опирается на теорию знака Ж. Дерриды, который предпринял попытку лишить знак его референциальной функции. В. Лейч так прокомментировал это: «Кто украл референт? Деррида. И в результате мир стал бесконечным, бескрайним текстом. Космической библиотекой» [цит. по 8:187]. Современный текст лишился границ, не имеет ни начала, ни конца, не ограничен «корпусом письма, неким содержанием, заключенным в книге или в ее рамках» [8:187]. Текст является «хитросплетением различий, тканью следов, бесконечно ссылающихся на нечто, отличное от них самих, на другие дифференцированные следы» [8:187]. Он «выплескивается за свои пределы, предписываемые ему до сих пор <...> за пределы всего того, что должно было стоять в оппозиции письму (речь, жизнь, мир, реальное, история и т.д. – любая сфера референции – тело или разум, сознательное или бессознательное, политика, экономика и т.п.)» [8:188]. Одним из основных постулатов постмодернистского мировидения является то, что сознание человека отождествляется с письменным текстом как единственно возможным средством его фиксации более или менее достоверным образом, и мир (литература, культура, наука, общество, история и сам человек) стал рассматриваться как текст.

Размывается граница между искусством и реальностью, все сущее понимается как реализация всеобщих семиотических процессов. Постмодернистская картина мира – это «полилог культурных языков, в равной мере выражающих себя в высокой поэзии и грубой прозе жизни, в идеальном и низменном, в порывах духа и судорогах плоти» [11:10].

В постмодернистской парадигме интертекстуальность существует как форма «взрыва» линейности текста, как механизм нового прочтения в тексте смыслов, структурированных до него. Таким образом, категория интертекстуальности создает «фрагментированный» текст, который «представляет собой не линейную цепочку слов, но многомерное пространство, где сочетаются и спорят друг с другом различные виды письма, ни один из которых не является исходным; текст соткан из цитат, отсылающих к тысячам культурных источников» [1:338]. Главным объектом исследований в постмодернизме становится процесс смыслотворчества в самом широком смысле, или письмо (по терминологии Р. Барта). Особенностью постмодернистского текста является сознательный отказ от ориентации на оригинальность. «Свое» понимается как множество раз отраженное «чужое» – в «чужих» текстах, в культурных и социальных языках, которые составляют действительность, реальность. Д. Фоккема пишет: «Постмодернист убежден в том, что социальный контекст состоит из слов и что каждый новый текст написан поверх старого текста <...> метафора «палимпсест» точно характеризует постмодернистский текст» [цит. по 11:13]. Соединение в тексте «своего» и «чужого» дает толчок для смыслопорождения, которое основывается на фоновых знаниях, образных ассоциациях, исторических и личных воспоминаниях у создающего и воспринимающего текст. Современный текст становится «бездонной «воронкой», втягивающей в себя не ограниченные ни в объеме, ни в изначальных свойствах слои из фонда культурной памяти; при этом каждая новая конфигурация, принимаемая материалом в процессе втягивания его в эту камеру-воронку, вызывает новые втягивания и индуцирующие импульсы» [14:100].

Каждый постмодернистский текст, совмещающий в себе «свой» и «чужой» культурный текст, становясь интертекстом, претендует не только на подобие, но и на полное, по крайней мере, структурное, тождество мироустройству, творит свою собственную реальность: мир – это интертекст, жизнь – это языковая игра.

Категория интертекстуальности имеет две стороны – читательскую (исследовательскую) и авторскую. С позиции читателя интертекстуальность определяется как «установка на более углубленное понимание текста или разрешение непонимания текста (текстовых аномалий) за счет установления многомерных связей с другими текстами, связанными с данными референциальной, синтагматико-комбинаторной, звуковой и ритмико-синтаксической памятью слова» [15:12]. Авторская интертекстуальность, по мнению Н. А. Фатеевой, это «способ порождения собственного текста и утверждения своей творческой индивидуальности через сложную систему отношений оппозиций, идентификаций и маркировки с текстами других авторов» [16:25]. Таким образом, возможность установления интертекстуальных отношений автора и читателя зависит от общей культурной памяти, от общих фоновых знаний – совокупности сведений, которыми располагает тот, кто создает текст, и тот, для кого создается текст [3:7], от уровня образованности, от читательской пресуппозиции. Для читателя, замечает Н. А. Фатеева, «всегда существует альтернатива: либо продолжать чтение, рассматривая некоторую языковую формулу лишь как фрагмент данного текста, ничем не отличающийся от других и являющийся органичной частью его синтагматического строения, либо для адекватного понимания данного текста ему необходимо обратиться к тексту-источнику, осуществив своего рода “интеллектуальный анамнез”, благодаря которому маркированный элемент в парадигматической системе текста-реципиента выступает как “смещенный и отсылающий к синтагматике исходного текста”» [16:25]. Как представляется, существует и третий путь: читатель не просто фиксирует «чужой» элемент в тексте, не отличая его от «своего» текста, а подсознательно или сознательно выделяет его и интерпретирует в соответствии с возникшими у него ассоциациями, основанными на индивидуальных переживаниях, эмоциях, на личном опыте.

Согласно концепции М. Риффатера, категория интертекстуальности представляет собой связующее звено между поверхностным и глубинным уровнями текста [4:55–56]. Интертекстуальность устанавливает диалогические отношения между текстами, которые заключаются в том, что элементы данного текста, т.е. «своего», вступают в отношения с элементами других текстов, т.е. «чужих», с миром действительности, с другими произведениями, которые находятся за пределами исследуемого текста, через различные лингвистические средства реализации (аллюзии, цитаты, реминисценции и т.д.). Пространство текста и прототекста (текста предтечи, прецедентного текста, протослова), цитирующего и цитируемого текста, образует вертикальный контекст – контекст, который подразумевает историко-филологическую и социально-культурную информацию объективно, но часто в скрытом, свернутом виде заложенную в том или ином литературном произведении [3].

Некоторые исследователи (У. Бройх, М. Пфистер, Б. Шульте-Мидделих и мн. др.) пытались разрешить проблему функционального значения интертекстуальности – с какой целью и для достижения какого эффекта писатели обращаются к произведениям своих современников и предшественников, т.е. противопоставили интертекстуальность как литературный прием, сознательно используемый писателями, постструктуралистскому ее пониманию как фактора своеобразного «коллективного бессознательного», определяющего деятельность писателя вне зависимости от его воли, желания и сознания.

Как представляется, такой путь исследований бесперспективен, так как все попытки определить функциональное значение интертекстуальности базируются только на исследовательской интуиции, исследовательских фоновых знаниях, тезаурусе, догадках, являются еще одной интерпретацией, потому что все в этом мире истинно и одновременно ложно. Автор текста использует интертекстуальные приемы не только на сознательном, но и на бессознательном уровне. Причем автор пытается убедить в этом или, по крайней мере, стимулирует эффект спонтанности, неосознанности. Интертекстуальность, замечает А. К. Жолковский, «особенно расцвела <...> в наш рефлектирующий век, он же – век беспрецедентного преобладания средств коммуникации, знаков, изображений, кодов, *simulacra*» [5:18]. Итак, в современных текстах, где постоянно всплывают «голоса культуры», нарочито подчеркиваются интертекстуальные связи. Заимствования и переклички в текстах были и раньше, но существование разных пластов культуры одновременно в контексте одного произведения – явление новое. Автор текста ощущает себя во всех временных пластах, во всех эпохах сразу. Как автора, так и читателя к такому ощущению часто «подключает» цитата. Вопрос о цитате как особом интертекстуальном фрагменте текста связан прежде всего с современным пониманием текста в постмодернистской научной парадигме, которая отказывается от имманентного рассмотрения текста, в которой текст не существует как целостный феномен. По словам Р. Барта, «текст подлежит наблюдению не как законченный, замкнутый продукт, а как идущее на наших глазах производство, “подключение” к другим текстам, другим кодам (сфера интертекстуальности), связанное тем самым с обществом, с историей, но связанное не отношениями детерминации, а отношениями цитации» [1:425]. Постмодернистскому мироощущению, современному человеку свойственно цитатное мышление, т.е. «погруженность в культуру вплоть до полного в ней растворения <...> Это жизненное ощущение собственной интертекстуальности и составляет внутреннюю стилистику постмодернизма, который хаосом цитат стремится выразить свое ощущение» [6:335–336]. Постмодернизм, как было сказано, дает установку на «вторичность», не видит смысла в производстве новых текстов. «Натиск прошлого, – по словам У. Эко, – натиск всего до – них – сказанного, от которого уже никуда не денешься» [17:461], натиск идеологизированного мира, разочарование в нем, поскольку он только разглагольствует о вечных ценностях, а существует по принципам двойной морали, нравственности, а также побуждает к тому, чтобы отыскивать уже готовые и освоенные культурой формы и включать их в коммуникативный акт, иногда даже не делая ссылки на авторство. Вместо слова автор использует уже оформленную речевую модель из словаря культуры – цитату, оригинальную или видоизмененную.

В поэтике и стилистике различают два проявления интертекстуальности: текстовую и языковую мозаичность (по терминологии И. Арнольд). Текстовая мозаичность – это наличие в тексте цитат, реминисценций, аллюзий. Механизм их работы в целом одинаковый: эксплицитный фрагмент в тексте и имплицитно связанные с ним ассоциации [цит. по 14:108].

Языковая мозаичность – это присутствие в тексте определенного функционального стиля элементов разных стилистических потенциалов, в результате чего образуются контаминированные высказывания, преодолевающие границы одного стиля [цит. по 14:108], стилевые границы размываются, происходит смешение стилей. Заметим, что интертекстуальность распространяется и на обычный повседневный язык, и на тексты художественной литературы, и на тексты и язык массовой коммуникации (в том числе газетные), так как все они участвуют в формировании современной культурной парадигмы. Общефилософские категории постмодернистского мировидения являются одновременно и общезыковыми, потому что язык продуцирует мир (языковые картины мира) и манифестирует в своих механизмах общефилософские законы, дробящиеся в культурных, идеологических, мифологических феноменах, имеющих характер дискурсивных единиц (интертекстуальность, «текст в тексте», диалогизм и т. д.).

В работе «Медиа-текст в системе культуры (динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века)» С. И. Сметанина, рассматривая категорию интертекстуальности в публицистических текстах, выделяет такие приемы интертекстуальности, как цитатное письмо, которое связано с текстовой мозаичностью, и интерстилевое тонирование изложения, связанное с языковым проявлением интертекстуальности.

Суть цитатного письма «в интеллектуальной, эмоционально-оценочной, формальной переработке «чужого» текста-цитаты, осмысленного и освоенного в системе культуры и повторное использование его в качестве средства номинации по отношению к реальным ситуациям (лицам) при создании медиа-текста» [14:109]. Цитатное письмо использует готовые знаки – цитаты, реминисценции, аллюзии, которые исследовательница называет прецедентными феноменами. Ю. Н. Караулов в книге «Русский язык и языковая личность» выделил специальные механизмы, обеспечивающие усвоение чужих слов говорящими и использование их в собственной речи, – прецедентные тексты, определяемые как «тексты, значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, обращение к которым возобновляется в дискурсе языковой личности» [9:216]. Прецедентные тексты, являясь своего рода стереотипами мышления и оценки, принадлежат как к ценностной модели мира, так и – шире – к текстовой картине мира, понимаемой как система знаний «энциклопедического характера, которые закодированы в совокупности текстов, отражающих все аспекты познания мира человеком, данным историко-культурным сообществом» [12:179]. Прецедентные тексты являются индикатором принадлежности говорящих, пишущих к определенной эпохе и ее культуре. Таким образом, смена культурных эпох и парадигм, стилей, направлений, появление новых произведений различных видов искусства влияют на набор цитат, составляющих культурное наследие языковой личности, на увеличение количества прецедентных феноменов. Особенно ярко эти тенденции проявились в современном мире, в постмодернистской культурной парадигме, которая использует технику вторичного письма, стирает границы между «высоким» и «низким», элитарным и массовым.

К прецедентным текстам относятся литературные произведения, тексты песен, рекламы, тексты политического характера, фразеологизмы, анекдоты и т.п. (например, газетные заголовки «Не газом единым» (ЛГ¹ № 42–43, 27 октября – 2 ноября 2010), «Люблю тебя, приют уединённый!» (ЛГ № 38, 29 сентября – 5 октября 2010), «Алиса в стране чудес», «Педагогическая трагедия», «Слесарю – слесарево?» (ЛГ № 39, 6–12 октября 2010), «Учтите наши души», «Эх, Раш, ещё Раш, ещё много, много Раш...», «О, сколько нам открытий чудных...», «Нос к носу – нос не увидать», «Под крышей Дома № 2» (ЛГ № 40, 13–19 октября 2010); прецедентное имя (например, «Ликбез от Ваньки Жукова» (ЛГ № 35, 8–14 сентября 2010), «Где вы, новые Анискины» (ЛГ № 36, 15–21 сентября 2010), «Возвращение Иудушки» (ЛГ № 37, 22–28 сентября 2010), «Открывая русского Шекспира» (ЛГ № 42–43, 27 октября – 2 ноября 2010), «ТЭФИ – коллективный Дориан Грей» (ЛГ № 38, 29 сентября – 5 октября 2010), «Вишнёвый сад не будет продан?» (ЛГ № 39, 6–12 октября 2010). В основе механизма функционирования прецедентного феномена лежит взаимодействие нескольких частей: одна дана в цитирующем тексте; вторая содержится в сознании и памяти человека, воспринимающего текст; третья существует как образ смысла и аксиологической ценности текста-источника. В результате такого взаимодействия прецедентный феномен усложняет смысловое пространство определенного фрагмента текста, делает его семантически насыщенным, трансформирует смысл цитируемого и цитирующего текстов, порождает новые смыслы, способствует интерпретационному процессу. Для постмодернистского цитатного письма характерна замена точного, прямого наименования цитатой – готовой моделью, для которой отсылки к авторству, к имени оригинального текста не играют существенной роли. Цитаты и инкрустации вводятся в текст чаще всего без всяких отсылок.

В современных публицистических текстах проявляется, с одной стороны, тенденция к актуализации авторской точки зрения и самовыражения, а с другой – тенденция к максимальному вуалированию своей субъективности как реализация претензии на объективность изложения, для чего и используется прием игры с прецедентными феноменами. Именно ситуация «текст в тексте» демонстрирует «интертекстуальное растворение суверенной субъективности человека в текстах-сознаниях, составляющих «великий интертекст» культурной традиции» [7:224–225]. Автор публицистического прячется за «чужое» слово, перекладывая тем самым ответственность за публичное слово на другого автора, на другой текст, наконец, на читателя (например, заголовки «Умом «русскую идею» не понять», «Мы в ответе за тех, кого...отлучили» (ЛГ № 29, 21–27 июля 2010). «Какая красота спасёт мир?», «Кататься и саночки возить», «Униженные и обворованные» (ЛГ № 35, 8–14 сентября 2010), «Я к вам пишу...», Наш «Маленький принц» (ЛГ № 36, 15–21 сентября 2010), «Помнит Вена, помнят Хофбург и Дунай», «Небо. Сталевар. Девушка со сверлом» (ЛГ № 41, 20–26 октября 2010).

Язык современных газет отражает специфику мировосприятия своего времени. Функциональный динамизм – использование языковых единиц, находящихся на периферии литературного языка и

¹ ЛГ – сокращённо от названия «Литературная газета»

даже за его пределами (например, в таких заголовках «Стриптиз по-домашнему» (ЛГ № 29, 21–27 июля 2010), «Халтура, ваша честь» (ЛГ № 30, 28 июля – 3 августа 2010), «В краю испуганных идиотов» (ЛГ № 39, 6–12 октября 2010), перемещение их в центр системы, а также использование в газетном тексте «высокой» лексики (например, заголовки «Зрит в корень» (ЛГ № 16–17, 28 апреля – 4 мая 2010), «Куда ведут благие намерения» (ЛГ № 20, 19–25 мая 2010), «Милость к падшим» приходит со словом» (ЛГ № 21, 26 мая – 1 июня 2010) – в полной мере согласуется с постмодернистской картиной мира, формируемой в полилоге «высокой поэзии и грубой прозы жизни». Изменение стилистики современных газет приводит к тому, что тексты выполняют не только информативную и коммуникативную функции, но и экспрессивную – выразительные средства языка становятся разнообразными, и текст выражает не только мысль, но и ее оттенки.

Природа интертекстуальности позволяет заголовкам-цитатам задействовать ассоциативные, интеллектуальные поля читателя, которые приводят к смысловой множественности текста.

Постмодернистский текст не имеет границ, ему свойственны внутренняя неоднозначность, многоязычие, открытость, множественность, интертекстуальность, нелинейность. Текст, по мнению Ж. Дерриды, – не объект, а карта, «имеющая свои дороги и их невидимые ответвления, подземные пути и так далее» [цит. по 13:181].

Литература

1. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика: Пер. с фр. / Р. Барт — М. : Прогресс, 1989. — 616 с.
2. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин — М. : Худож. лит., 1972. — 470 с.
3. Гюббенет И. В. Основы филологической интерпретации литературно-художественного текста / И. В. Гюббенет — М. : Моск. ун-т, 1991. — 204 с.
4. Драгунова Р. Г. Подходы к определению интертекстуальности и интертекста, скрытая цитата как форма межтекстовых связей / Р. Г. Драгунова // Сб. науч. тр. Моск. ин-та иностр. яз. им. М. Тореца — М., 1990. — Вып. 361. — С. 55—63.
5. Жолковский А. К. Блуждающие сны: Из истории русского модернизма / А. К. Жолковский — М. : Сов. писатель, 1992. — 429 с.
6. Ильин И. П. Постмодернизм. Словарь терминов / И. П. Ильин — М. : ИНИОН РАН (отдел литературоведения). — INTRADA, 2001. — 384 с.
7. Ильин И. П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм / И. П. Ильин — М. : Интрада, 1996. — 256 с.
8. Ильин И. П. Стилистика интертекстуальности: теоретические аспекты / И. П. Ильин // Проблемы современной стилистики. — М., 1989. — С. 86—207.
9. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов — М. : Наука, 1987. — 263 с.
10. Козицкая Е. А. Цитата, «чужое» слово, интертекст: материалы к библиографии [Электронный ресурс] / Е. А. Козицкая // http://dll.botik.ru/az/lit/coll/litext5/23_koz_b.htm/articles
11. Липовецкий М. Русский постмодернизм: Очерки исторической поэтики / М. Липовецкий. — Екатеринбург : Изд-во Уральского гос. пед. ун-та, 1997. — 317 с.
12. Семенец О. Прецедентный текст в газетном заголовке и современная текстовая картина мира / О. Семенец // Русский язык: исторические судьбы и современность: Междунар. конгресс исследователей рус. яз : Тр. и материалы. — М., 2001. — С. 287—288.
13. Скоропанова И. С. Русская постмодернистская литература: Учебн. пособие / И. С. Скоропанова; [Изд. 3]. — М. : Флинта : Наука, 2001. — 608 с.
14. Сметанина С. И. Медиа-текст в системе культуры: динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века / С. И. Сметанина. — СПб. : Изд-во Михайлова В. А., 2002. — 382 с.
15. Фатеева Н. А. Интертекстуальность и ее функции в художественном дискурсе / Н. А. Фатеева // Изв. АН. Сер. лит. и языка. — 1997. — Т. 56, № 5. — С. 12—21.
16. Фатеева Н. А. Типология интертекстуальных элементов и связей в художественной речи / Н. А. Фатеева // Изв. АН. Сер. лит. и языка. — 1998. — Т. 57, № 5. — С. 25—38.
17. Эко У. Заметки на полях «Имени розы» / У. Эко // Эко У. Имя розы: Пер. с итал. — М. : Кн. палата, 1989. — С. 427—467.